

Лилия ВОЛОХОНСКАЯ

НАЧАЛО

Этот день помню я всю жизнь — с детства и до старости. Воскресенье. Пасмурно, моросит дождик. Я размазываю по тарелке ненавистную манную кашу. Бабушка на меня покрикивает. И вдруг по радио говорят, что в двенадцать часов передадут важное сообщение. И услышали мы, что в четыре часа утра без объявления войны германские войска вероломно напали на нашу страну и подвергли бомбежке города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас... И сразу стали мы жить по-другому. Окна занавешивали плотными шторами-затемнение. По улицам с песнями ходили красноармейцы, у магазинов стояли большие очереди, тоже прямо на улице.

Мама лежала в больнице на сохранении беременности. Папа, Мудрик Виктор Иосифович, главный инженер «Гознака», два раза ходил в военкомат, хотел пойти на фронт. Но его не брали. Второй раз даже попрекнули: «Вы, крупный специалист, в такое тяжелое для страны время хотите остановить фабрику!» А я с самого первого дня войны читала газеты, я очень хотела помогать фронту — ну хоть как-нибудь! Но меня отовсюду гоняли, под ногами просили не путаться. Что же мне делать?.. Пошла гулять, но заодно решила собрать металлолом. По чужим дворам ходила, между сараями лазила, даже на помойках всякие железки подбирала. Перемазалась, платье разорвала. Позвонила в дверь дворнику дяде Мише, сдать ему хотела, а его дома нет. Бабушка меня полчаса отмывала, а ругала, наверное, целый час. А потом я побежала во двор. Но где же мой металлолом? «В атаку!» промчался мимо Колька с длинной железякой в руке. Я сразу её узнала! Из-за сараев ещё мальчишки выскочили и у каждого в руке по моему металлолomu. Отдайте! — кричу. — Все отдавайте!» «Фиг тебе! — засмеялись они — Мы в войну играем!» «Дураки! Хулиганы! Я же для правдошной войны собирала! А вы...»

Госпиталям не хватало подушек, одеял, посуды. Наша соседка тетя Шура в госпитале работала нянечкой. Она рассказывала, что раненых везут и везут, коридоры бит-

ком набиты, девать людей некуда. Вечером пришли к нам комсомольцы. Дверь открыла им я, бабушка на кухне стирала. «Подождите минуточку», — попросила я. Побежала в комнату и сдернула со своей кровати шерстяное одеяло. Оно самое бежевое, а по краям красные белки по красным шишкам прыгают. Еще подушку я взяла, кружку с желтыми утятами и понесла все это комсомольцам. «Куда?! — налетела на меня бабушка. — Сейчас же положи — все на место!» Смотрю: несет она байковое одеяло и подушку, самую жесткую, между прочим. И как только захлопнулась дверь за комсомольцами, я закричала: «Какой же ты несознательный человек! В газетах пишут: «Все для фронта! Все для победы» ВСЕ, понимаешь? А ты? Одну подушку для фронта, а остальные себе, да?!»

А на другой день пришли к нам общественницы за бутылками. Бабушка очень удивилась. «Бутылки-то на войне к чему?» Общественницы объяснили нам: нальют в бутылку какую-то жидкость, бросят ее в немецкий танк — он сразу и взорвется. Бабушка только головой покачала. «Да неужели уж чего получше-то придумать не могли? А бутылка она и есть бутылка. Какое из неё оружие?»

..И каждый день слышали мы по радио: «После упорных и ожесточенных боев наши войска временно оставили город... и населенные пункты...» Не пройдет часа или двух и опять: «После упорных и ожесточенных боев...» Каждый день, каждый день...

Мама вернулась из больницы, и мы стали собираться в эвакуацию. Начались бомбежки. Я их не боялась и не хотела спускаться в бомбоубежище. Ночами папа и другие мужчины, и большие мальчишки дежурили на крыше, гасили зажигалки, а меня туда не пускали, чуть ли не силой затаскивали в подвал — в бомбоубежище — душное, полутемное, тесное, иногда даже сесть некуда — скамейки, табуретки, стулья полусломанные. Малыши орут, старушки молятся, крестятся, плачут... Почти рядом с нашим домом на стадионе «Красный пролетарский» палят зенитки.

У бабушки на пальце кольцо — золотое, широкое. Она хотела подарить его моей маме, но мама его не взяла. Она комсомолка. а комсомольцы не носят обручальных колец. Некрасивое это кольцо — круглое, толстое, глад-

кое, не нравится оно мне. Но сейчас... «Бабушка, какое хорошенькое колечко, — говорю. — Мне бы такое!» «Хоть у тебя-то есть вкус! — обрадовалась бабушка. — Кольцо старинное, золото высокой пробы». «Ты мне его подарить?» «Обязательно. Вот вырастешь, выйдешь замуж». «Не-ет, так долго я ждать не могу! Мне сейчас оно нужно, сейчас!» «Зачем?» — удивилась она. «Я сдам его в фонд обороны». «Больше ничего не придумаешь?» — рассердилась бабушка. Несознательный она человек.

Мы стали собираться в эвакуацию. Папа оставался в Москве, и я из-за этого все время плакала, Гитлера проклятого проклинала и всех фашистов, всех какие есть!

Ехали мы в Краснокамск, в небольшой городок на Урале. Там был филиал Гознака.

Дорога длинная, неудобная — то едет поезд, то стоит неизвестно почему. Днем жарко, ночью холодно. С водой совсем плохо. Мутная она какая-то, не теплая, не холодная, сама на себя непохожая. Ничего не поделаешь, война. Я — то понимаю, я вот некоторые взрослые почему-то не понимают, ворчат, ругаются даже.

Приехали наконец куда-то, темно, ничего не видно. Спустились мы на мокрую холодную траву. Где наши вещи, не знаю. Даже где мама с бабушкой, не знаю. Слышу только: «Где здесь Мудрикова семья?» «Это мы!» — отвечает мама, но голос ее в темноте сам на себя не похож, кажется мне. «Пошлите! (Это уже мужской голос) — Мы с Федькой вас на жилплощадь проводим». И тут такой шум поднялся! «А нас когда?! Вам только бы начальства родню...» Ещё что-то кричат. «Вас опосля. Лукьянов, директор, велел сперва их!» Шум, крик, а я уже еле иду, как бы не упасть! Наконец пришли к какому-то дому, наверху только одно окно светится. Постучал дяденька в дверь, никто не открывает. Вдруг как выскочит тетка, как раскричится! «Не пущу! Вакуранных не пущу! Надоели с войной и ихней!» «Не имеете права, гражданочка!» — говорит ей дяденька. Из другой двери три наголо остриженные головки высунулись — не поймешь, девчонки или мальчишки. А рядом из двери, еще одна женщина вышла в коридор. «Ладно тебе, Груша, — говорит, — Глянь, семья — то какая! Девчонка тощая, глядеть страшно. «Баба пузатая». — Куды же теперь им девать-

ся?» «Да ладно! — безнадежно вздохнула Груша. — Понаехали...»

Маленькое отступление: Сейчас через много-много лет после войны слышу, в Москве слышу: «понаехали!» Откуда же мне так знакомо это слово, недовольное, ворчливое? Война, эвакуация, Краснокамск! Вот откуда!

«Во-от, понехали!» — ворчала на кухне Груша, и Зоя тоже ворчала, только пореже и потише. «От вакуируемых одно беспокойствие, — говорили местные, — Надоели с войной с ихней!» Из-за нас их «уплотняли». К некоторым прямо в их комнаты чужие семьи приезжих вселяли. Все из-за нас! Из-за нас и цены на рынке поднялись.

Мы-то даже ещё и не знали где он, этот самый ранок находится! С едой становилось все хуже и хуже. Карточки отоваривали плохими продуктами, застарелыми. Маме по карточкам ещё что-то перепало, мне по детской тоже, а у бабушки карточка иждивенческая — самая плохая.

В школе ребята какие-то малограмотные, читают по слогам, дразнятся, дерутся.

Груша подбрее стала. Теперь, наконец, она поняла, что «войну ту окаянную» затеяли не мы «вакуированные». А, знаете, почему она поняла? Раненых привезли!

«Аккурат как с работы я шла, — рассказывала Груша на кухне. — О-ох! Немец проклятый! Что ж он над людьми-то делает? Панька как слово Петьку узнала и сама прямо без памяти — то-о! «А у нас вчера счетоводка на своего мужика умершую получила», — сказала соседка Зоя. «Наша-то Дуська сегодня!» — гаркнула Груша». «Какая Дуська-то?» — спросила Зоя. «Максимовская! Долбоносая, знаешь?» Я хотела спросить, что это такое «долбоносая», но постеснялась. Максимовых сноха! — пояснила Груша. — За Пальтой сперва жили они. Трое у ней осталось не хуже мово. Что хошь, то и делай». Холода наступили рано. Ранние они здесь на Урале. Наши войска все отступают и отступают. Фашисты проклятые уже у самой Москвы. А там папа! Мой папа! Мама плачет, а бабушка про себя переживает, только иногда говорит негромко: «Не допустят их в Москву, не допустят».

И не допустили!

Слова Богу, вскоре пришла от папы телеграмма! А вскоре у меня родился братик Тоша, беленький, синеглазый.

Помню, мороз стоял жуткий, когда его вместе с мамой и бабушкой привезли на глазковской телеге домой. Кричал, пищал он и днем и ночью, но я все равно его любила. Теперь мама с бабушкой все время с Тошей возятся, а карточки отоваривать хожу я. Сначала в магазине стою в очереди за хлебом, потом, потом по глубокому снегу тащусь с судками в столовую за обедом. В верхний судок наливают мне жидкий суп, в котором что-то плавает — когда картошка, когда капуста, когда не поймешь что. В нижний судок ложкой кому накладывают. Местным живется получше — почти у всех есть родственники в деревнях за речкой Пальтой.

Снег у меня под ногами не скрипит, а тихо повизгивает. Руки опять ноют как вчера, как позавчера. Я их, оказывается, отморозила. Бабушка говорит: «Теперь, считай, навсегда». А я ей не верю! Вот кончится война и все пройдет. До сих пор не прошло. Через 70 лет!

Сначала мы очень обрадовались, что немцев от Москвы отогнали, но какая уж тут радость, если каждый день слышим голос Левитана: «После упорных и ожесточенных боев наши войска оставили город и населенные пункты...»

Слава героям, павшим за свободу и независимости нашей Родины! Смерть немецким оккупантам!» И утром и вечером... И утром и вечером... Радио, черная тарелка на стене, никогда у нас не выключалась.

А я начала кашлять — и днем, и вечером, и даже ночью. Мама плакала, но отойти от крошечного Тоши не могла. И повела меня к врачу бабушка. Та прослушала мне спину и грудь маленькой трубочкой и скомандовала: «На рентген!» Потом бабушка сидела на стуле и слезы платочком вытирала. «А мы-то ведь думали: грипп и грипп» — всхлипывала она: «Не будете кормить девочку, она умрет! Туберкулез у нее!» сказала врач и вышла из кабинета. А я ей не поверила. «Может, и умру, — подумала я. — Но победу все равно дождусь! Назло фрицам проклятым!» Вечером, слышу, бабушка на кухне о чем-то с Грушей разговаривает. У Груши голос громкий, как по железу словами хлопает. «Дак в деревне-то этого не понимают, кольца-те. Засмеют!» «Оно золотое, высокой пробы», — уговаривает бабушка «Золотое-то, что толку-то? Кабы на шею, дак и то

ведь неладное! — гаркнула Груша. — Что им делать-то? Глядеть на его? Куфайку ватную, портки, одеяло теплое-за них хорошо дают. А за кольцо за твое...» Ватных фуфаяек у нас не было, одеял самим не хватало, а есть, знаете, как хотелось? В выходной Груша отправилась в деревню к родителям. Обратно приехала на телеге, лошадь к самому дому подошла. В квартире сразу шумно стало: «Лень! Галька! Ирка!» Вышли и мы с бабушкой на кухню. «Нюрка-то кривая соглашается, — сообщила Груша. — Картошки ведерка два насыпать обещалась». «Два ведра!» — воскликнула бабушка. «Еще кой-чего по мелочи прибавит. Ты бери, покамест соглашаются. В деревне-то их не понимают, кольца-то. Нюрка-то она в городе — в прислугах жила».

В следующий выходной поехала бабушка на знакомой лошади с Грушей в деревню за Пальту.

Вечером мы устроили пир! Картошку привезла бабушка, маленькую баночку топленого масла, две луковицы и три яичка. Ура!

«Ну что же ты, бабушка, невеселая? — удивляюсь я. — Колечко такое ма-аленькое, а еды смотри сколько!»

МОЯ ФРОНТОВАЯ РОДНЯ

Когда начиналась война, Борису было 17, Натану 19, Арону Моисеевичу 52 года. Накануне войны Борис, красивый, лихой морячок, служил на флоте в Кронштадте, а в увольнение приезжал к нам в Ленинград на Чайковскую улицу. Другой мой дядя, Натан Штофенмахер, был отличником, одним из лучших курсантов Ленинградского артиллерийского училища. К началу войны как раз подоспел его выпуск и прямиком из училища ушел он на фронт лейтенантом. А вот с отцом его дело было посложнее, — как-никак 52 года. Возраст непризывной. И решил он записаться в народное ополчение, защищать Ленинград.

Сначала с ним, с ветераном Первой Мировой войны, и разговаривать не хотели. Иди, мол, старик, домой, без тебя дел хватает. Ну прямо как в той песне: «в Красной армии штыки чай найдутся, без тебя большевики обойдутся.» «Но «старик» не сдавался. Походил, походил в военкомат, надоел им, наверное, и добился. Зачислили его ефрейтором и пошел воевать. Правда недолго ему при-

шлось бить фашистов, — получил ранение в ногу. Вторым раз на фронт не взяли и в блокадном Ленинграде работал он в госпитале завхозом.

Ну а двоюродный мой дядя Натан Виленский попал на фронт чуть ли не в первый день войны — он был кадровым военным. Воевал на разных направлениях, закончил войну в звании капитана с орденом Красной звезды и несколькими медалями. Он прожил еще долго, каждый год в День Победы встречался с боевыми друзьями — однополчанами. А Натан — младший много месяцев простоял со своими орудиями в ленинградских болотах, потом с едва зашившим ранением, воевал в холодном сыром климате. Домой пришел с туберкулезом легких. Через несколько лет он умер. Хоронили его как жертву войны.

Был у меня еще дядя Миша Каганский. Он прошел войну артиллеристом, как говорится, от звонка до звонка, дошел до Берлина. Несколько раз жив оставался каким-то чудом. Вот один только пример. Вышел из землянки покурить, и в этот момент в нее попал снаряд. Все погибли, а дядю Мишу землей контузило. И это не единственный случай, когда он каким-то невероятным образом оставался жив. С тех пор он поверил в Бога и до конца дней своих ходил в синагогу. Домой с фронта вернулся с наградами, а их у него немало. Два ордена Великой Отечественной войны I и II степени, два ордена Красной звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией».

А самый младший мой дядя Подгорный Борис всю войну провоевал на Балтийском флоте, сначала матросом, потом старшиной 1 статьи. А я, ученица младших классов, писала ему на фронт письма. «... Боря, бей фашистских гадов! Гони их с нашей земли!» Он и бил их, точнее, топил немецкие подводные лодки со своих быстроходных катеров «Морских охотников». Недаром же он получал он награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «Адмирал Нахимов» и «За победу над Германией».

Вот такая у меня фронтовая родня!!!»

НА ФРОНТ ПО БЛАТУ

Ее не брали на фронт. Она, ученица московской средней художественной школы, много раз ходила в военкомат, дошла даже до ЦК ВЛКСМ, но все напрасно — художники, а тем более девушки, на фронте не нужны. Тогда она окончила десятидневные курсы пулеметчиков, но даже это не помогло.

Однако, в конце концов, она все-таки попала на фронт... по блату! Невероятно, но на фронт, на войну — по протекции. Сын соседки, полковник Михайлов «сжалился» над девушкой, которой едва исполнилось 18 лет, без конца обивавшей пороги военкомата, и своей командирской властью направил ее в 41-й отдельный дорожно-эксплуатационный батальон.

На 2-м Прибалтийском фронте началась ее военная жизнь. Выдали ей обмундирование: сапоги, длинную шинель с погонами рядового (а ростом Рошаль Натапова, увы, не вышла), гимнастерку, ложку, котелок... А между тем ее способности к рисованию очень дажегодились: она составляла схемы постов на дорогах, а при наступлении каждый день рисовала новую карту. В промежутках между этой работой Рошаль становилась регулировщицей и вместе с другими девушками — в руках два флажка, желтый и красный, — стояла на дороге. Не зевай! — кричали проезжающие мимо солдаты.

В кармане ее шинели всегда были блокнотик и карандаш. И как только выпадала свободная минута, она рисовала. Рисовала, разумеется, не подозревая о том, что через много десятилетий рисунки эти станут необходимы как живое дыхание Великой Отечественной.

Она запечатлевала фронтовой быт, фронтовые будни («землянка наша в три наката...»), походную кухню... И самое главное — лица однополчан: солдат, офицеров, молодых девушек. словно живые смотрят они сейчас на нас с рисунков Рошаль Натаповой спустя почти 67 лет после Великой Победы.

41-й батальон двигался вслед за передовыми частями армии, и каждый раз на новом месте девчонки сами строили себе землянки. Рыли в земле яму, обкладывали ее бревнами, вместо дверей — плащ-палатка. Маленькая печурка давала тепла немного, но на войне как на войне.

И спали девчонки под грохот канонады близкой передовой. Они уже привыкли, вот только очень надоедали немецкие дальнобойные пушки «фердинанды» — голос у них был слишком уж громкий и грубый.

«Эх, дороги, пыль да туман...» Сколько этих дорог прошла Натапова вместе со своими боевыми друзьями! Ехали машины по деревянному настилу в ту и другую сторону: вооружение, продовольствие, солдаты — на передовую, раненые — оттуда. Жердевка, лежневка — так назывались тогда эти бесконечные фронтовые дороги, нередко застланные ветвями по непролазной грязи. И стояли девушки с флажками в руках, среди них и Рошаль Натапова, или Роша, как называли ее боевые подруги.

Ныне Рошаль Исааковна — кавалер ордена Отечественной войны II степени, член Союза художников России. Она активно работает. Картины ее и рисунки нередко можно увидеть на разных выставках.